

ЛЕГЕНДЫ О МНОЖЕСТВЕННОСТИ СВЕТИЛ У ТУНГУСОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА

Елена Викторовна ШАНЬШИНА,
младший научный сотрудник Института истории ДВО РАН

Мифы, легенды, предания и сказки дальневосточных аборигенов — найцев, ульчей, орочей, ороков, негидальцев и удэгейцев, расселенных в настоящее время преимущественно в бассейне Нижнего Амура, интересовали многих, кто пытался описывать и исследовать традиционную культуру этих народов. Со времени начала собирания и изучения их устного фольклора, примерно с середины прошлого века, записывались различные варианты рассказов об эпохе становления мира, среди которых были и легенды о времени, когда на небе светили несколько Солнц (реже и Лун) и нормальная жизнь на Земле была невозможна.

Впервые поставил проблему изучения генезиса и распространения представлений о множественности солнц в мифологии народов юга российского Дальнего Востока в 1929 г. Е.А. Крейнович, справедливо подчеркнувший совершенную неизученность подобной тематики. В этой работе были приведены доступные указанному автору фольклорные материалы по тунгусоязычным народам региона в связи с нивхскими вариантами такого рода мифов¹. Начало научному изучению легенд о множественности светил (далее в тексте — ЛМС) положил А.М. Золотарев, итоги исследований которого были опубликованы в 1964 г.² Этот автор первым заметил отсутствие мотивации появления трех солнц во многих вариантах подобных легенд и высказал предположение о том, что их появление могло бы быть объяснено через деятельность какого-то отрицательного персонажа, противостоящего в некоем гипотетическом первоначальном варианте мифа герою-стрелку из лука по лишним светилам по имени Хадау, — персонажу, с течением времени потерявшему устной традицией.

Первая попытка полного контекстуального анализа ЛМС у изучаемых народов в 1996 г. была предпринята Т.Ю. Сем: «... рассматриваются сюжетные схемы всех известных публикаций текстов мифа, — так ставит цель своей работы этот автор, — ... восстанавливается полный перечень повторяющихся сюжетнообразующих мотивов, на основе чего выделяется общая модель амуротунгусского космогонического мифа». Т.Ю. Сем при обобщении материалов удалось выделить специфические сюжетные особенности ЛМС, обозначенные

ею термином «локальный вариант»: приморский (удэгейско-орочский), правобережно-амурский (негидальцы, горинские и кур-урмийские нанайцы), средне-амурско-низовой (низовские нанайцы, ульчи и анюйские удэгейцы), северо-приморский (нанайско-удэгейский). При этом верно отмечается особенность удэгейских текстов, в которых отсутствует образ героя по имени Хадау³. Однако характерное для указанной работы некритическое смещение содержания различных фольклорных текстов явно и стадияльно, и культурно неравных, и попытка создания на основе этой эклектики некоей связной и вневременной модели «амурского космогонического мифа» вновь повторяет спорную, особенно на фоне современных представлений о прошлой истории изучаемых народов, аналогичную методику А.М. Золотарева и, к сожалению, во многом снижает уровень научного изучения проблемы.

Общим местом и началом сюжета многих известных вариантов ЛМС является рассказ о легендарной эпохе (Хаосе), помещаемой в «неопределенную давность», когда на небе светило несколько Солнц одновременно, а иногда и несколько Лун. «Сначала светило три Солнца. «Тогда наша Земля только еще начинала остывать», — так начинается один из орочских мифов. — Земля была еще совсем жидкая, как вода. Когда светило три Солнца, вода начала убывать, а земля — твердеть. Невыносимо жарко было на нашей Земле. Кипели скалы. В те времена на Земле не было никаких людей, никаких племен, никаких живых существ. Был только один Хадау...»⁴. В ряде мифов описание Хаоса отчасти детализируется: «... Течения в реках были двойные, т.е. у одного берега река текла в одну сторону, а у другого — в другую, ветер сразу дул со всех сторон, деревья были, как камни, а камни горели, как деревья. Словом, тогда было не так, как теперь...» (ороч.). «... Небо почти сходилось с Землей, Солнца были близки к Земле. Луны тогда не было. Деревья были низкорослые, но их кроны иногда касались неба... Сплошной туман был, большое испарение от Земли шло...» (удэг.) и т.п.⁵

Согласно одним мифам, такая ситуация была как бы изначальной, и поэтому из-за страшной жары жизнь в любых ее проявлениях не могла начаться или же существовала, но в очень тяжелых условиях. Для таких вариантов наиболее характерны следующие зачины: «Три Солнца были. Горячо было. Камень мягкий был. Белуга, осетр, сазан, щука на верх воды, выйдя, умирали. Птица, зверь жить не могли...» (нан); «Давным-давно, когда люди на Земле стали только появляться, было страшное пекло...» (нан.); «... Три Солнца были, Земли не было... рыбы (из воды) выскакивали, загорались, умирали...» (ульч.); «Два Солнца были давно. Рыба, играя (прыгая), вся сгорая, помирала... Младенцы, рождаясь, не могли жить...» (ороч.) и т.д.⁶ Согласно другим вариантам, преимущественно единичным, появление лишних светил было обусловлено, как следует из контекста, какими-то событиями катастрофического характера или же определенными действиями присутствующих или подразумеваемых в текстах персонажей, резко нарушивших сложившийся до этого мировой порядок или своего рода природное равновесие. Так, например, согласно легенде о первых шаманах, записанной П.П. Шимкевичем у нанайцев р. Тунгуски в конце XIX в., причиной появления лишних светил, как следует из общего контекста мифа, стали действия двух перволюдей — старика и старухи, решивших прекратить бессмертное существование чересчур размножившегося к тому времени человечества. «... На другое утро», — повествуется в этой легенде, — случилось на земле нечто необычайное. Увидели старик со старухой, что вме-

сто одного светила взошли их три; от свету стали люди слепнуть, от жары гибнуть; Солнца жгли так сильно, что земля горела, в реках вода кипела; когда рыба, играя, выскакивала из воды, то у нее сползала чешуя. Ночью, когда три Солнца закатились, появились три Луны, и ночь сделалась так светла, что людям не было возможности уснуть...»⁷. В другом мифе, также нанайском, но записанном почти на девяносто лет позже вышеприведенного текста, говорится о другой причине появления лишних светил: «Раньше — не в нашем веке, не знаем когда... Вдруг однажды засвистело, загрохотало на небе — второе Солнце появилось, за ним — третье. Какой-то злой дух назло Хадо их на небо выпустил. Солнца палят, река Мангбо кипит, рыба в ней, как в ухе, варится, камни, как тесто, плавятся, люди задыхаются от жары...»⁸. В целом же общей чертой архаических вариантов многих легенд о множественности светил в регионе следует считать все же скорее отсутствие какой-либо мотивации появления лишних светил.

Варианты ЛМС были известны и сахалинским нивхам. В сравнении с амурскими мифами нивхские версии в определенной степени специфичны. В частности, в них отсутствует образ антропоморфного стрелка в лишние светила, и нет никакой связи с представлениями о загробном мире. В одном из вариантов ЛМС этого народа, например, рассказывается о трех Солнцах и трех Лунах, появление которых в этом случае также никак не мотивируется — «родились»... под кровом кочки две маленькие синицы жили. Два брата. Младший сел на летающего оленя и полетел», и именно он при помощи лука убил лишние светила⁹. В другом варианте можно видеть некоторое подобие мотивации появления лишних светил: после того как водоплавающая птица — чирок «выпила море», рассказывается в данном случае, на следующее утро «взошли, взявшись за руки, два Солнца»¹⁰. О восходящих на небо сразу двух Солнцах упоминается в мифе, записанном в период 1893—1898 гг. у этого же народа Б.О. Пилсудским¹¹. Нивхские версии ЛМС требуют отдельного рассмотрения. Оригинальный анализ космогонических текстов нивхов «в аспекте числового кода и кода металлов» был предпринят в исследовании А.Б. Островского¹².

ЛМС тесно связаны с мифами о герое, восстанавливающем или устанавливающем необходимый для жизни порядок в земном мире. В устной традиции современных народов региона подобные рассказы соединены в единое повествование. В целях демонстрации дальнейшего содержания характеризующего мотива приведем фрагмент монолога-песни знаменитого нанайского касашамана Богдано Оинка, исполненного им на неинсценированном обряде больших поминок касатаури в 1936 г.: «Три Солнца появляются. Три Луны появляются. Бывшим жившим невтерпеж. Утка села — сгорела. Гусь сел — только голова видна. Лебедь сел — сгорел. Бывшему жившему — невозможно. Горячо огонь все равно... Дюльчу старший. Хадо средний. Горанта младший. Мямельди, сестра ребенка, мужчину нашла. Три Солнца печет. Утром рано корой дерева защитой делал. Золотой стрелы, серебряной стрелы брал. Стрелять хотел. Пламенем горел. Стрелять хотел — кончил. Другой день защиты деревом делал. Три Солнца над краем. Только стрелять начинает. Золотая стрела — взял в руки. Серебряная стрела взял. Солнца Земли над краем. Только появляются. Золотая стрела Тот. Серебряная стрела стрелял Тот. Три Солнца по ту и по эту сторону, два упал. Утка шумом кричала. Рыба шумом кричала. Сейчас бывшие жившие. Небо (мир) хорошо стал...»¹³.

В русском пересказе другой нанайской легенды говорится о том, что «... Когда было три Солнца, рыба умирала, и людям стало невозможно жить. Он (Хадау) пошел к восходу Солнца, дошел, сделал *tuugu* — травяной дом. Когда Солнце взошло, дом загорелся, он стрелять не мог. Опять домой пришел. Опять к восходу Солнца пошел, дошел, деревянный *tuugu* сделал. Солнце едва взошло — опять пожар. Опять вернулся, снова туда пошел, каменный *tuugu* (четырёхскатный, большой) сделал. Солнце взошло, он два Солнца убил»¹⁴.

Подобные рассказы об эпохе множественности светил и о герое, убивающем лишние светила, были и остаются очень популярными у всех народов региона. Вплоть до настоящего времени исследователи записывают различные варианты ЛМС, нередко со взаимоисключающими интерпретациями отдельных деталей сюжета в масштабе даже одного селения.

Суть деятельности героя заключается в убийстве лишних светил способом стрельбы в них из лука, и только в единичном мифе, записанном у ульчей, лишние Солнца убиваются способом метания в них камней: «Жил один мужчина, одна женщина. Три Солнца были, Земли не было. Тогда из травы построили палатку. Рыбы (из воды) выскакивали, загорались, умирали. Трава загорелась, а палатка загорелась. Мужчина вернулся, снова сделал палатку, ждал. Солнце появилось — он убил его, осталось два Солнца. Он метнул камень из палатки и убил еще одно Солнце. Тогда осталось одно Солнце»¹⁵. В роли героя, сбивающего лишние светила, в сохранившихся текстах у разных народов действуют различные персонажи. Содержание и итоги деятельности последних позволяют рассматривать их и в качестве своего рода демиургов, создающих и обустроивающих земной мир для нормальной жизни людей и живой природы.

В качестве доказательств действительного существования в далеком прошлом эпохи множественности солнц современные тунгусоязычные народы региона приводят в целом довольно схожие аргументы. Нанайцы, жители села Улика-Национальное, например, приводя гостей на крутой берег р. Кур и указывая на черный слой земли, зажатый сверху и снизу более светлыми, говорили: «Это Земля горела, когда три Солнца были. Она целебная. Заболеет собака или поросенок — берем отсюда чуточку, добавляем им в пищу — выздоравливают». Негидальцы, показывая на черный уголь, спрашивали о том, что если бы Земля не горела из-за жары трех Солнц в прошлом, то откуда тогда в горе мог взяться этот уголь?... Другим доказательством того же рода было наличие вулканического шлака по берегам Амура. Орочи считали, что ноздреватые или, по их выражению, «дырявые» камни в тайге, стали такими, потому что во времена трех Солнц они кипели и таяли»¹⁶.

Интересно отметить в этой же связи, что ульчи и нанайцы еще в недавнем прошлом одинаково объясняли происхождение рисунков на камнях и скалах. Ульчи, например, о происхождении петроглифов около села Май говорили, что в далеком прошлом, когда светили три Солнца и камни были мягкими, некая женщина нанесла на них рисунки пальцами»¹⁷. Так же объяснялось нанайцами и происхождение Сакачи-Алянских петроглифов. Они говорили, что, когда на Земле светили три Солнца, камни были мягкими, «все равно глина», вот тогда-то человек и выдавливал на камнях рисунки пальцами. Потом, когда осталось только одно Солнце, на Земле стало холодно, и камни отвердели»¹⁸.

В качестве еще одного не менее веского доказательства некоторыми информаторами нередко привлекалось своеобразное природное атмосферное явление, имеющее в соответствующем разделе оптической физики название

«гало», а у местного населения получившее, может, несколько странное, но зато художественно довольно точное обозначение «Солнце с ушами»: «В иные времена, — говорили, например, орочи, — Солнце берет себя за уши — это видны тени бывших ранее трех Солнц, как бы отпечатки двух Солнц с той и другой стороны нашего Солнца...»¹⁹.

Как известно, физическая суть данного явления состоит в специфическом преломлении солнечного света в верхних слоях атмосферы под влиянием влажности и температурного фона таким образом, что наблюдатель с поверхности земли может видеть в течение длительного времени — одного, двух и более часов — несколько ложных ярких пятен — «солнц» вокруг истинного светила. В устной же традиции народов региона такие ложные пятна-солнца считались отсветами, тенями, отражениями или даже, как считали негидальцы, душами ханян, убитых и погасших в далекие времена первотворения лишних Солнц²⁰.

В роли героя, сбивающего лишние светила, в сохранившихся текстах выступают различные персонажи. Нередко герой не имеет личного имени и обозначается анонимно — «один мужчина», «один человек», «один отважный человек», «старый человек», «сильный мужчина» и т.д.: «Три Солнца были. Горячо было... Но каменный тигр был. Каменного тигра из нутра *человек* вышел. Горячо было... Два Солнца стреляя, тот *человек* убил. Рыба разная, птица, зверь хорошо жить стали...» (нан.); «Два Солнца были давно. Рыба, играя (прыгая), вся сгорая, помирала... Младенцы, рождаясь, не могли жить... Это *старый человек* стрелой застрелил Солнце. Тогда Солнце верх ушло»; «Когда-то, давным-давно, было три солнца. Это было очень жаркое время, жить на Земле тогда было нельзя; был тогда *человек*... и были животные, но жить на Земле было невозможно, почему *человек* жил на воде и умел ходить по воздуху. Скучно стало *человеку* жить таким образом, вот он взял лук и стрелы и пошел стрелять в Солнца...» (ороч.)²¹ и т.д. Характерно, что, как правило, устная традиция региона не соотносит данный персонаж с каким-то конкретным этносом. Исключения при этом единичны²².

Количество лишних светил в различных вариантах мифов варьируется. Наиболее часто говорится о существовании трех Солнц, иногда отмечается, что одно Солнце было большим, а два других — маленькими и располагались по краям от первого. Реже все Солнца могут называться сестрами, еще реже упоминается о двух или даже девяти Солнцах или об одновременном появлении лишних как Солнц, так и Лун. На фоне общего для всех изучаемых народов сюжета о судьбе лишних Солнц выделяется одна любопытная деталь, присутствующая только в удэгейских вариантах ЛМС: в мифах этого народа на месте убитого Солнца появляется Луна. В одной из такого типа легенд, записанной в 1920-е годы Е.А. Крейновичем, сообщается, что «одно (Солнце) стрелой застрелил (мужчина), тогда месяц появился — небо вверх поднялось, одно Солнце стало...»²³. В то же время у других народов региона представления о возникновении Луны, как правило, являются самостоятельным и независимым от ЛМС сюжетом.

Приведенный ниже другой удэгейский текст, в числе прочего, ярко демонстрирует и принципиальное по сути сюжетное различие между удэгейскими версиями ЛМС и мифами прибрежных жителей Амура:

«Раньше небо было очень близко, и потому на земле было очень жарко. Месяц был мужчина, а Солнце — женщина, и ходили они по небу вместе и

сразу *оба* светили на Землю. Старые лиственницы очень высокие, которые насчитывают несколько сот лет, имеют вершины, загнутые в одну сторону. Загнуты они потому, что когда небо было близко над Землей, они не могли расти прямо и были придавлены книзу. Сколько раз ни родились люди на Земле, они всегда умирали, зимой рождаются — до лета живут, а летом умирали от жары. Тогда *три старика* делали много стрел из льда, а когда появилось жаркое (Солнце), они стреляли в него из лука. Как только стрелы попали в Солнце, сразу растаяли. Тогда они пустили железные, которые не долетели до Солнца. Потом они взяли костяные, они долетели и сразу погасили свет. Тогда Солнце сказало Месяцу: «Почему это человек меня обижает?» Месяц ответил: «Потому что мы оба одновременно светим на землю, и там все сгорает. Тогда Солнце предложило Месяцу разделить так, чтобы он светил ночью, а Солнце — днем. Кроме того, Месяц, чтобы люди могли считать время, решил каждый раз скрываться совсем с неба и начать появляться сызнова и понемногу, а Солнце решило вместе с небом подняться выше, чтобы людям не было так жарко. С того времени началось счисление дней и ночей, и люди стали жить на земле»²⁴.

В общем корпусе фольклорных произведений, связанных с рассказами о множественности светил, уже на предварительном этапе исследования выделяется в *особую* группу ряд текстов, где в роли героя-лучника указывается персонаж по имени *Хадау* (реже и только у нанайцев также *Гуранта* или *Дюльчу*). Данный персонаж, в разной степени известный всем изучаемым народам региона, за исключением удэгейцев, наделяется устной традицией функциями как демиурга-обустроителя земного мира, так и функциями типичного культурного героя эпохи первотворения, с именем которого связывалось происхождение отдельных социальных институтов и обычаев. Сопоставление и подробный контекстуальный анализ деталей таких ЛМС приводит к предположению о том, что комплекс представлений, связанных с именем *Хадау*, может иметь иное в отличие от сюжета о множественности светил и уничтожении их анонимным героем-лучником происхождение, а лишь затем в течение определенного времени и под влиянием различных факторов контаминироваться в устной традиции региона с общим сюжетом ЛМС.

В целом же, как показывает сравнительное рассмотрение сохранившихся фольклорных текстов, *общие черты* большинства вариантов ЛМС у изучаемых народов можно назвать следующие: (1) Однотипное в целом описание Хаоса и представление о лишних светилах (Солнцах) как неотъемлемой части картины мира в эпоху первотворения; (2) Отсутствие, как правило, мотивированности появления лишних светил; (3) Тема стрельбы по лишним светилам стрелами из лука; (4) Анонимный, как правило, образ некоего сильного человека, меткого стрелка из лука, *без* единого промаха поражающего лишние светила. ЛМС с героем-лучником по имени *Хадау* составляют особую группу текстов, и их необходимо анализировать отдельно.

Переходя к специальному анализу общего сюжета ЛМС и их отдельных элементов, необходимо отметить, что для большинства работ, попутно затрагивавших данную проблематику, общим местом является мнение о южных корнях возникновения представлений о множественности Солнц. Авторы подобных исследований предполагают, что такие взгляды могли сформироваться в регионе только с соответствующими климатическими условиями, фольклорная гиперболизация которых и привела к возникновению таких взглядов. Однако,

как показывает более тщательное изучение этого вопроса, нельзя с уверенностью говорить о заимствовании ЛМС изучаемыми этносами от народов сопредельных стран с жарким климатом. Во-первых, аналогии тунгусским вариантам ЛМС в «южных» мифологиях нельзя назвать как многочисленными, так и исчерпывающими всю проблему происхождения подобных легенд. Так, для народов стран Юго-Восточной Азии с уверенностью можно говорить только об одной общей теме — теме губительности излишнего жара одного чересчур жаркого или нескольких Солнц, светивших во времена первотворения. В легендах народов, населяющих о-в Тайвань, например, есть рассказ о том, как два брата идут убивать одно слишком жаркое Солнце. Они стреляют в него и расщепляют его на две части — Солнце и Луну²⁵. У батаков о-ва Суматра в прошлом существовал миф о Солнце и его семи сыновьях, которых благодаря просьбам людей убивает само Солнце, склоненное к этому хитростью Луны²⁶. Согласно мифам тайского народа *лы*, одно из главных небесных божеств по имени *Пхра Пхум* спустилось на землю после того, как она была опустошена жаром семи Солнц. Шесть Солнц божество уничтожило, а потом стало делить годы на месяцы, дни и т.д. У четырех *таи*, жителей Лаоса, в мифах говорится, что после того, как семь сыновей первой человеческой пары, спасшейся от потопа, срубили огромное дерево *ва*, покрывавшее весь мир и дерево *хай*, которое покрывало всю землю, в небе вдруг засияли сразу девять Лун и восемь Солнц, и наступила страшная жара. Владыка неба, увидев такие бедствия, повелел курице склевать светила, но та не смогла этого сделать, а смогла только селезень, так как до светил нужно было плыть²⁷. В древнекитайской мифологии также есть связь между деревом и Солнцем: в некоторых легендах присутствует образ огромного тутового дерева *фусан*, находящегося у самого края земли на востоке; на вершинах этого дерева висели в ряд десять красных, как цветы лотоса, Солнц, которые сначала по очереди ходили по небу, а потом, как говорится в таких мифах, им вдруг надоел такой порядок, и они решили отныне и всегда подниматься на небо все вместе. Из-за этого на земле начались бедствия, от которых земной мир спас посланный верховным божеством герой по имени *Хоу-И*, который меткими выстрелами из лука убил девять Солнц, а последнее ему не дал убить сам верховный владыка Неба: он вспомнил, что нельзя убивать все Солнца и подослал к герою человека, который потихоньку вытащил одну из десяти стрел из его колчана. Данный миф датируется временем примерно 16 тыс. лет тому назад²⁸.

Легенды о множественности Солнц были известны и в Центральной Азии. В монгольских вариантах ЛМС, например, мотивация появления лишних Солнц как следствия злого умысла дьявола *шулма*, который выпустил на небо одновременно три Солнца для того, чтобы сжечь все живое на Земле. Дьяволу в ряде текстов противостоит положительный герой, по имени *Бурхан Балчи*, который и убивает два лишних Солнца²⁹. Однако чаще всего в монгольских мифах герой-стрелок является безымянным или же зовется «Тарбаган-мерген» («стрелок-сурок»), поскольку позже превращается в степного сурка-тарбагана³⁰. Анализ немногочисленных вариантов ЛМС у монголов говорит о том, что скорее всего как раз этим народом сюжет о множественности Солнц и заимствован. В частности, это доказывается фактами наличия в их мифологии другого цикла легенд о появлении Солнца и Луны со дна Мирового океана и без какого-либо участия в этом героя-охотника и существованием мифов о *Тарба-*

гане — в образе простого человека, удачливого и порою чересчур самоуверенного степного охотника, безо всякого упоминания об этом его подвиге. Кроме того, в монгольских вариантах нередко присутствует и тема *неудачной* стрельбы в лишние Солнца³¹.

Сравнительные материалы по другим народам также показывают, что жаркий климат отнюдь не всегда может явиться основой для возникновения подобных представлений. Характерно, что легенды о множественности Солнц, светивших в далекие времена первотворений, неизвестны в Австралии, немногочисленны в Африке и очень редки в странах Северной и Южной Америки, а в жаркой Океании, например, культурный герой *Мауи*, в том числе, лишь устанавливает ход светил: он только ловит Солнце, заставляя его светить дольше³². В то же время ЛМС могут складываться и *вне* всякой связи с темой губительности излишнего солнечного жара. На это, в частности, еще в начале века обращал внимание Л.Я. Штернберг, записавший у нивхов о-ва Сахалин варианты подобных легенд. Он подчеркивал, что «трудно решить вопрос, образовался ли (этот) миф у какой-то народности самостоятельно или принадлежит к циклу мифов миграционных. Во всяком случае, нельзя из мифа об убийстве Солнца сделать заключение о первоначальном пребывании той или иной народности в жарком климате, потому что поводом к созданию мифа могут послужить и такие явления, как кометы, вулканические извержения, etc»³³. В этой связи можно отметить, что, например, у кетов, проживающих в лесотаежной полосе Северной Сибири, а не на жарком и засушливом юге, также бытовали представления о множественности Солнц. Согласно данным В.И. Анучина, они считали, что одновременно существуют семь Солнц, каждое из которых горит на своем слое неба³⁴. Согласно мифам, записанным у других сибирских жителей (вилюйских якутов), три Солнца также одновременно горели на последнем небе в верхнем мире, месте пребывания высшего доброго существа, «белого светлого господина», создателя земного мира³⁵, и т.д.

Кроме того, представления о множественности солнц вполне могут истекать и из идеи, что каждый день восходит *новое* светило. Хорошо известно о таких взглядах, например древних греков, древних китайцев, а также и некоторых сибирских народов³⁶. Одним из доказательств существования таких взглядов является факт широко распространенного лексического отождествления понятий «солнце» и «день» как следствие логического тождества этих понятий с соответственными представлениями о ежедневно «новом» Солнце.

По содержанию в кругу выявленных аналогий наиболее близки ЛМС изучаемых народов только древнекитайские мифы о стрелке *Хоу-И*. Однако наличие при этом целого ряда расходящихся сюжетных деталей не дает веских оснований для вывода как о прямом, так и опосредованном заимствовании этих мифов от китайцев. К примеру, в ЛМС тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока упоминаются, как правило, не девять, а чаще всего только три Солнца; далее отсутствует образ солнечного дерева и представление о Солнцах как о трехпалых золотых воронах; наконец, сам процесс стрельбы в Солнце имеет ряд особенностей, отсутствующих в китайских легендах. В отличие от *Хоу-И*, стреляющего по лишним светилам *прямо* с земли, герои тунгусских ЛМС делают это, поднявшись на высокую гору, или стреляют из укрытия, в качестве которого нередко выступают последовательно травяной, деревянный и каменный дом *тууру*, и направляются к месту *восхода* Солнца.

Немаловажна и поливариантность образа самого героя-лучника. Таким образом, если рассматривать данные особенности тунгусских ЛМС в качестве своеобразных маркеров авторства, а также учитывать тот факт, что сами тунгусоязычные информаторы не делают никаких акцентов на китайских параллелях, нередко одновременно приводя «местные» доказательства действительного существования эпохи множественности Солнц, то и китайские источники легенд об эпохе множественности светил приходится исключать, что только в пользу вывода об автохтонном происхождении таких мифов. В поддержку этого предположения существуют и определенные лингвистические факты, на которые первой обратила внимание А.В. Смоляк. Суть их в том, что в тунгусо-маньчжурских языках существует факт лексического и фонетического совпадения между понятиями «светить солнцу» и «стрелять из лука», и более того, часто луч Солнца и стрела в языках изучаемых народов обозначаются одним термином *гарпа*³⁷. А.В. Смоляк предположила, что подобные представления о стрельбе в регионе вполне могли возникнуть, по ее выражению, из «народной этимологии»³⁸. В целом все вышеприведенные соображения делают вывод о южных корнях ЛМС изучаемых народов уже не столь очевидным, как представлялось ранее, и делают актуальным дальнейшее изучение этого вопроса совместными усилиями этнологов, археологов и лингвистов.

¹ Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений гиляков о-ва Сахалин // Этнография. 1929. № 1. Кн. VII. С.78—102.

² Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С.260—264.

³ Сем Т.Ю. Амурский космогонический миф: модель и варианты // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура. СПб., 1996. Вып.3. С.111—143.

⁴ Орочские сказки и мифы (Сост. В.А. Аврорин и Е.П. Лебедева). Новосибирск, 1966. С.193—194.

⁵ Маргаритов В.П. Об орочах Императорской Гавани. СПб., 1888. С.28; Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX—XX вв.: (историко-этнографические очерки). Владивосток, 1991. С.118.; Полевые материалы автора за 1994/95 гг. от К.М. Бельды и Л.Актанка.

⁶ Архив музея РАН «Кунсткамера» (г.СПб.), Ф.5. Оп.2. Д.62 (материалы А.Н. Липского); Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу (сост. Н.Б. Киле) // Рукописный фонд отдела этнологии ИИЭА ДВО РАН, С.399; Schmidt P.P. The language of the Olcha // Acta Universitatis Latviensis. Riga, 1923. Vol. VIII. P.234; Крейнович Е.А. Указ.соч., С.84 и др.

⁷ Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Зап. Приамур. отд-ния Русского географического о-ва. Хабаровск, 1896. Т.1. Вып.2. С.9—10.

⁸ Древний свет: (мифы, легенды и предания народов Хабаровского края) Сост. А.Я. Чадаева. Хабаровск, 1990. С.1, 5.

⁹ Штернберг Л.Я. Материалы по гиляцкому языку и фольклору. СПб., 1908. Т.1. С.150—155; Крейнович Е.А. Очерк космогонических..., С.1, 5.

¹⁰ Крейнович Е.А. Там же. С.89.

¹¹ Пилсудский Б.О. Тексты нивхов (Вступит. ст., подг. к изд. и примеч. А.Б. Островского, пер. с нивхского яз. Н.Я. Гынзиной и В.Н. Сачкун) // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1995. № 4. С.134—140.

¹² Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1995; Он же. Система имен числительных и традиционные космологические представления нивхов (кон.XIX — втор.пол. XX в.) // Этнокультурные процессы: традиции и современность. Л., 1991. С.240—254.

¹³ Архив музея. РАН... Д.62. Л.51—51 об.

¹⁴ Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С.493—494.

¹⁵ Schmidt P.P. Указ. соч. С.234.

¹⁶ Чадаева А.Я. Национальная игрушка: (очерки о древних предках детской игрушки народностей Чукотки и Приамурья). Хабаровск, 1986. С.16; Крейнович Е.А. Очерк космогонических..., С.84—85; ПМА от К.М. Бельды; Маргаритов В.П. Очерк космогонических..., и др.

- ¹⁷ Смоляк А.В. Представления нанайцев о природе и человеке // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера*. Л., 1976. С. 133.
- ¹⁸ Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971. С.7; Ветлицын П. Заметка о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // *Приамур. ведомости*, Хабаровск, 1895. №56. С.17—18; Штенберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды... С.454; Чадаева А.Я. К югу от северного сияния. С.81.
- ¹⁹ Ороческие сказки и мифы. С.193—194.
- ²⁰ Нанайский фольклор... С.399; Киле Н.Б. Фольклорное наследие нанайцев // *Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока*. Владивосток, 1983. С.111; Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений..., С.85 и др.
- ²¹ Архив музея..., Д.62; Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений..., С.84; Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани... С.27—28; Нанайский фольклор..., С.399; Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев. С.118.
- ²² В этих случаях рассказчик мог сказать, что этот герой-стрелок из лука не просто человек, а, например «один ороч» или «один удэгеец». Например: «Сначала Земля нагревалась тремя Солнцами, но жить тогда было очень тяжело, вот *один Ороч* и убил два Солнца, осталось одно, и жить стало прохладнее...» (ороч.) // Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани... Не исключено, что в данном случае может иметь место ошибка при переводе; в вариантах ЛМС, записанных у удэгейцев В.В. Подмаскиным в 1970-е гг., у героя-стрелка появляется даже личное имя — в одном случае одно Солнце из двух убивает персонаж «богатырь по имени *Намика*», в другом — некий «сильный мужчина по имени *Батани*» (Подмаскин В.В. Духовная культура... С.118—119).
- ²³ Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений... С.84; См. также: История и культура удэгейцев. С.84.; Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. С.20.
- ²⁴ Арсеньев В.К. Мифы, легенды, предания и сказки народов Дальнего Востока // *Краевед. бюл. Южно-Сахалинск*, 1995. № 3. С.173—174.
- ²⁵ Цит. по: Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная..., С.260—264.
- ²⁶ Цит. по: Крейнович Е.А. Очерк космогонических... С.88.
- ²⁷ Мифологический словарь. С.457 («Пхра Пхум») и С.277 («Кап и Ке»).
- ²⁸ Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. С.106—107; Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1965. С.175—205.
- ²⁹ Ивановский В. Дьявол — творец Солнца: Торгаутские сказания // *Этногр. обозрение*. 1899. №4.
- ³⁰ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып.4. С.179—180; Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С.205—206; Беннигсен А. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912. С.13 и др.
- ³¹ Потанин Г.Н. Очерки... С.35, 151—152, 191, 225—226.
- ³² См.: Народы Австралии и Океании. М., 1956; Erkes Ed. Chinesisch-Amerikanische Mythenparallelen // «*T'oung Pao*», 1926, п.с. XXIV; Крейнович Е.А. Очерк космогонических... С.87 и др.
- ³³ Штернберг Л.Я. Материалы к изучению гиляцкого языка и фольклору. СПб., 1908. Т.1. С.156.
- ³⁴ Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера*..., С.76, 81.
- ³⁵ Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // *Сб. МАЭ*. М.; Л., 1949. Т.11. С.254, 268.
- ³⁶ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С.64; Яншина Э.М. Формирование и развитие... С.106—107; Алексеев Е.А. Представления кетов о мире. и др.
- ³⁷ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т.1. С.142.
- ³⁸ Смоляк А.В. Представления нанайцев о мире // *Природа и человек*..., С.129—160; Она же. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М., 1991. С.260 и др.

SUMMARY. «The Legends About Multitude of Celestial Bodies» — that is the title of the article of a junior researcher of the Institute of History Elena Shanshina. There are such legends among Tungus-speaking peoples of the south of the Far East of Russia. These tales bear a relation to the problem of genesis. In the period when according to the legends the Earth had simultaneously three Suns and some Moons, the life on the planet was impossible. The author considers many myths, analyses and compares them and draws some interesting conclusions.